

БУДНИ "СОВРЕМЕННОКА"

Некрасов был прав, когда не слушал тех, кто пророчил провал новому журналу. А пророков было немало: литературные ретрограды взывали к "тени Пушкина" и сокрушались по поводу того, что основанный им журнал теперь станет "орудием щелкоперов"; скептики уверяли, что он не выдержит конкуренции со старыми журналами, обладающими устоявшейся репутацией. Однако вопреки всем предсказаниям успех нового издания был блистательный. В первый же год набралось до двух тысяч подписчиков, а на следующий год их было уже больше трех тысяч, 4 января 1847 года редактор журнала Никитенко записал в своем дневнике: "Вышел первого числа первый номер "Современника" под новой редакцией. Он произвел хорошее впечатление. Отовсюду слышу благоприятные отзывы его тону и направлению".

Тем не менее недоброжелатели не унимались. Они распускали слух о несостоятельности издателей, о недолговечности журнала, о том, что Белинский "исписался". Возникли трудности и посерьезнее: выяснилось, что московская группа литераторов, на которых рассчитывал "Современник", не желает покидать "Отечественные записки", несмотря на обещания, данные Некрасову, несмотря на дружеские отношения с Белинским.

Конечно, немалую роль сыграли здесь старания Краевского. Обеспокоенный неизбежным уменьшением подписки на свой журнал, он начал принимать энергичные меры. Он не стеснялся даже в официальных кругах намекать на неблагонадежность нынешних руководителей "Современника", от которых он будто бы освободился как от людей "беспокойных" и "опасных". Затем Некрасов узнал о его поездке в Москву, - где Краевский вел переговоры со своими авторами-сотрудниками. Затем он печатно уверял читателей, что сотрудники у него остались прежними, не считаясь с тем, что в "Современник" уже перешли Белинский, Герцен, Некрасов, Панаев (это и обеспечило первый успех журналу). Получилось, что москвичи Боткин, Грановский, Кавелин, Галахов и другие, согласившись работать на Краевского, сильно подвели "Современник" и тех, кто с жаром начал работать в новом журнале. Но в этом не было ничего удивительного: во-первых, в либерально-западнических кругах предпочитали вероятную умеренность "Отечественных записок" уже известным и пугающим "крайностям" Белинского; во-вторых, в поведении москвичей сказалась та половинчатость, которая свойственна всяким либералам. Эту черту московского кружка тогда же хорошо подметил близкий к нему П. М. Щепкин (один из сыновей артиста). В феврале 1847 года он писал: "Конечно, это люди хорошие, имеют прекрасные убеждения, красноречиво высказывают их, да не всегда поступают согласно этим убеждениям".

Белинский и Некрасов были не на шутку огорчены и раздосадованы этими обстоятельствами. "Я еще понемногу креплюсь, - писал по этому поводу Некрасов, - но Белинский впал в совершенное уныние". И в самом деле - он отправлял в Москву письмо за письмом, полные негодования. Он жаловался Анненкову: "... наши московские друзья-враги теперь торжественно оправдали Краевского и выставили лжецом "Современник". А москвичи оправдывались как могли, но - посылали свои статьи Краевскому, Грановский прямо сказал - если у нас выходят вместо одного - два хороших журнала, то он готов помогать обоим. Что касается до нас, мы думаем иначе", - писал Белинский в Москву, отвечая "всем зараз". "... Если "Отечественные записки" доселе имеют направление, и еще хорошее, это потому, что они еще не успели простыть от жаркой топки, - вы знаете, кем сделанной..." Но надолго этого не хватит, заявлял Белинский.

В другом письме того же времени (конец 1847 года) Белинский еще откровеннее говорит о себе и, что особенно важно, о своем положении в некрасовском журнале, объясняя Старому другу Боткину, насколько дорого для него благополучие и процветание "Современника". "... Помню, наши московские друзья-враги дали нам свои имена и труды, сколько по желанию работать соединенно в одном журнале.... столько же и по желанию дать средства к существованию некоему Белинскому". Как же они поступают теперь? Понимают ли они, какие преимущества получил критик в журнале Некрасова? Кажется, он, Белинский, не так много успел сделать для "Современника" в текущем году, но уже забрал вперед сто восемь тысяч (по уговору с Некрасовым). Поездка за границу тоже не лишит его платы. На будущий год он

получит двенадцать тысяч. Кажется, есть разница в его теперешнем и прежнем положении? Но "та разница же сводится только к деньгам. Вследствие договоренности с Некрасовым его участие в журнале больше "нравственное", нежели "деятельное". Не Некрасов говорит ему, что он должен делать, а он уведомляет Некрасова о том, что он считает нужным делать. Все эти условия особенно важны для человека опасно больного и измученного. Итог: "Современник" - вся моя надежда, без него я погиб в буквальном, а не в переносном значении этого слова. А между тем мои московские друзья действуют так, как будто решились погубить меня, но не вдруг и не прямо, а помаленьку и косвенным путем, из сострадания к Краевскому".

Но даже эти слова Белинского не произвели особого впечатления на "друзей-врагов". Во всяком случае, они не лишили Краевского своей благосклонности (хотя печатались и в "Современнике"). При этом они прямо говорили о своих разногласиях с Белинским. Уже прочитав его гневные письма с их, казалось бы, неотразимой аргументацией, Боткин писал Анненкову: "Я далеко не разделяю отвращения Белинского к "Отечественным запискам". А другой участник московского кружка - Кавелин позднее вспоминал: "Любя Белинского безмерно, ... я написал, что поддерживать его журнал был бы рад радостью, но не журнал Некрасова..."

При всех своих дружеских связях с Белинским Боткин и другие либеральные "западники" не могли, да и не хотели скрыть неодобрительного отношения к резко демократическим тенденциям нового журнала, к плебейскому облику самого Некрасова, к революционным убеждениям Белинского.

При этом суть дела заключалась не в личных симпатиях и антипатиях и не в изворотливости Краевского, а в глубоких социальных противоречиях, уже в те годы обозначившихся в русской действительности. Идеологическим выражением этих противоречий было нарастание разногласий, а позднее и прямой вражды между двумя лагерями - нарождавшейся революционной демократией и либерализмом. Однако в 40-е годы до окончательного разрыва было еще далеко.

* * *

Уже первые годы нового "Современника" дали русской литературе немало первоклассных имен и произведений. Конечно, издатели журнала не могли не испытывать удовлетворения по этому поводу. В самом деле: кроме того, что названо выше (в связи с первым номером), в журнале были помещены "Сорока-воровка", "Из записок доктора Крупова", "Письма из "Avenue Marigny" и другие вещи Герцена, "Обыкновенная истерия" Гончарова, имевшая "успех неслыханный" (выражение Белинского), "Антон Горемыка" Григоровича, рассказы из "Записок охотника" Тургенева (в той числе "Бурмистр"), "Полинька Сакс" Дружинина, стихи Некрасова ("Псовая охота", "Еду ли ночью по улице темной", "Нравственный человек"). В отделе критики появились несколько важнейших статей Белинского. Публицистика была представлена превосходной, остро злободневной статьей друга Герцена и Огарева Н. М. Сатина - "Ирландия", "Письмами об Испании" Боткина. Все эти материалы должны были в первые же годы определять репутацию журнала и упрочить интерес к нему читателей. Но это - оглавление журнала, раскрытое перед каждым читателем. А что стояло за ним? В каких трудах, спорах, конфликтах, связях и отношениях рождалась каждая книжка "Современника"? Какой груз принял на свои плечи Некрасов, его деятельный организатор и редактор?

Письма Некрасова этой поры позволяют представить себе, какое множество разнообразной журнальной работы выпало на его долю: добывание материала *прозы и стихов, переговоры и переписка с авторами, чтение рукописей и корректур, отношения с ответственным редактором, объяснения с цензорами, восстановление смысла в тексте, исполосованном красными чернилами, не говоря уже о гонорарных расчетах и делах типографских, А ведь он еще должен был писать! И он писал стихи (правда, в первые годы очень мало), рецензии, фельетоны"

Особенно много душевных сил отнимала необходимость изыскивать средства борьбы с цензурой, возраставшая год от году. Изнурительна была сама мысль о постоянном и пристальном внимании властей, рождавшая ощущение шаткости почвы под ногами, а такое ощущение было тогда, по словам Некрасова, чуть ли не у всех, кто причастен к журналистике.

Все это уже к концу первого года издания "Современника" довело здоровье Некрасова до серьезного расстройства. Глядя на его изможденное и усталое лицо, Белинский не раз строго говорил ему: "Что вы с собой делаете, Некрасов? Берегитесь, иначе а вами будет то же, что со мной". Позднее Некрасов слышал от общих друзей, что Белинский, тогда уже сам больной, был убежден в его близкой смерти.

Постепенно у Некрасова сложилась репутация превосходного редактора. Во тогда, у истоков "Современника", его опыт был еще невелик, а трудности - огромны. Однажды ему пришлось поссориться с Достоевским, который отдал свои повести Краевскому и не отрекся печатно от "Отечественных записок"; эта ссора была неприятна и той и другой стороне. В другой раз произошла размолвка с Белинским из-за повести Григоровича "Деревня", Повесть не понравилась Некрасову, он возвратил ее автору, а гот недолго думая отправился в "Отечественные записки", Белинский, наоборот, нашел в повести большие достоинства - очень немного было в те годы книг, рисующих темноту и горе крепостной деревни; молодой автор обнаружил и наблюдательность, и знание жизни, хотя и не был свободен от некоторой сентиментальности. Белинский написал о "Деревне" для "Современника", но Некрасов заявил, что не может допустить похвалы тому, что печатается у Краевского. Белинский остался при своем мнении и упрекнул Некрасова в "бестактности и заносчивости", поскольку тот настаивал на изменении отзыва о повести Григоровича (последний подробно рассказал об этом споре, который произошел на чаепитии у Тургенева). По-видимому, Некрасов признал свою неправоту; во всяком случае, когда история эта дошла до Москвы и встревожила Боткина, Белинский постарался его успокоить и заступиться за Некрасова: "Это случилось с ним в первый раз".

Надо сказать, что бывали случаи, когда оказывался прав, Некрасов. Например, после спора о повести П. Кудрявцева "Сбоев" Белинский, сначала превозносивший ее, затем признал свою ошибку.

Не приходится удивляться, что всего через две недели после выхода первого номера "Современника" Некрасов писал: "Я изнемогаю - не под бременем труда, а под бременем разных страхов, которые нападают на меня при этом новом, многосложном и нелегком для меня деле" (Н. Х. Кетчеру; 43 января 1847 г.).

А тут еще возникли разногласия с Никитенко, который выступал в роли редактора и цензора. Уже со второго номера он начал запрещать некоторые статьи, присылаемые ему редакцией (например, фельетон Панаева, в котором был высмеян Нестор Кукольник, пользовавшийся расположением Никитенко), и, наоборот, предлагать статьи, которые редакцию не "устроивали". "Мои издатели вознегодовали на меня, - записал Никитенко в дневнике 31 января 1847 года, - забывая, что... сами предоставили мне полную свободу в выборе статей и в сообщении журналу направления. Я только на этих условиях и мог согласиться подписывать под ним мое имя".

Разумеется, издатели меньше всего предполагали, что Никитенко" будет сообщать их журналу "направление", и надеялись, что он не станет слишком вмешиваться в дела.

Однако сам Никитенко думал иначе, и уже 5 февраля в его дневнике появилась запись: "Я начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от редакции "Современника"... Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями... Они, вероятно, рассчитывали найти во мне слепое орудие и хотели самостоятельно действовать под прикрытием моего имени. Я не могу на это согласиться".

Некрасову стоило "немалых усилий улаживание отношений с редактором, который оказался и догадливей и строптивее, чем предполагалось. Но заменить его было решительно нечем, и самая мысль об этом пугала издателей "Современника".

Еще сложнее оказались обстоятельства и отношения внутри самой редакции. Об этом свидетельствует, например, конфликт с Белинским, который он сам определил как "внутренний разрыв" с Некрасовым.

По выходе первых номеров журнала Белинский заявил, что он хотел бы войти в число пайщиков, с тем чтобы получать третью долю дохода наряду с двумя другими издателями. Белинский думал стать одним из равноправных "хозяев" журнала, поскольку он и задуман-то был во многом для него как необходимая трибуна после разрыва с Краевским. Однако здоровье критика в это время было уже до крайности расстроено, дни его были сочтены.

Некрасов опасался, что, включив Белинского в число пайщиков, он свяжет себя с его наследниками. Он не мог пойти на это, поскольку материальное положение журнала было очень неопределенно, ведь он начал издаваться на одолженные деньги. В этом главная причина того, что Некрасов (как и Панаев) не считал возможным приглашать его в качестве "пайщика". "Я на это не согласился, как мне было ни тяжело ему отказывать", - писал Некрасов позднее.

Белинского огорчил отказ, и он заметно охладел к Некрасову. В письме Тургеневу от 19 февраля 1847 года критик рассказал эту историю, прибавив, что очень любил Некрасова, а теперь ему досадно не за себя, а за него. Упомянул о "внутреннем разрыве". И закончил так: "Я и теперь высоко ценю Некрасова за его богатую натуру и даровитость; но тем не менее он в моих глазах - человек, у которого будет капитал, который будет богат, а я знаю, как это делается..."

Суровый приговор Белинского, судя по всему, был известен Некрасову. Во всяком случае, много лет спустя, прочитав это письмо, опубликованное тем, кому оно было адресовано, Некрасов сказал, что все это в еще более прямом и резком виде он в свое время слышал от самого Белинского. И все-таки Некрасов считал, что поступил тогда правильно, тем более что материальные интересы критика не пострадали от того, что он не стал пайщиком.

Что же было дальше? Прошло немного времени после разговора с Некрасовым, и Белинский, объяснившись еще с Панаевым, заметно смягчился. "Подувшись на меня несколько дней, - вспоминал Некрасов, - он сам высказал мне... свое сожаление о последовавшем в нем внутреннем разрыве со мной". Он согласился, что роль пайщика была ему крайне невыгодна, так как издание в первые годы было убыточно. Кроме того, ему исправно выплачивались определенные суммы - в соответствии с условиями, на которых он начал работать в "Современнике", и даже сверх этих условий.

Словом, Белинский успокоился и вскоре написал Тургеневу: "Скажу Вам, что я почти переменяю мое мнение насчет источника известных поступков Некрасова. Мне теперь кажется, что он действовал добросовестно..." Некрасов же судил об этом так: "Я не знаю, исчезло ли в его воззрении на меня впоследствии это почти, но отношения наши до самой его смерти были короткие и хорошие..."

Несомненно, это так и было; ведь и сам Белинский с удовлетворением отмечал (в ноябрьском письме Боткину, которое изложено выше) удобные для него материальные условия, свободу своих действий в редакции ("могу делать, что хочу"), наконец, "нравственный характер" своего участия в журнале. "Современник" - вся моя надежда", - писал Белинский, зная, что он говорит о некрасовском "Современнике".

При этом место и роль критика в редакции определялись, конечно, не только материальной стороной дела, но прежде всего фактическим участием в работе журнала, возможностью оказывать влияние на его характер и направление. В этом отношении ни в чем нельзя упрекнуть Некрасова или Панаева - они предоставили Белинскому возможность делать все, что было в его силах, и высоко ценили его участие, его мнение, хотя в отдельных случаях, конечно, могли и расходиться с ним в оценках (так было, например, в споре о цикле стихов Огарева "Монологи": Некрасову хотелось их напечатать, но победа осталась за Белинским, который считал эти стихи последней данью "гамлетовскому направлению", "набором общих мест").

"Никто, кроме Белинского, не был хозяином содержания журнала..." - заверяет Некрасов. "... Мы всё делаем с общего согласия, и состав каждой книжки апробируется Белинским", - добавляет Панаев.

Все это так. Но благополучно разрешившийся конфликт с Белинским все же оставил некоторый осадок у всех, кто имел к нему касательство. В одном письме того же 1847 года Белинский признался: "Мне с ним не так тепло и легко, как было до этой истории". А в другой раз он обронил словечко неделикатность. Может быть, и в самом деле: тому, кто по сути был прав, следовало проявить чуть больше деликатности по отношению к такому человеку, как Белинский. Тем более, что всем хорошо было известно, как тяжело он болен! Справедливость требует напомнить, что всю свою последующую жизнь Некрасов благоговейно хранил память о Белинском. Образ его проходит через всю зрелую "некрасовскую лирику".

Описанная истории имела одно неприятное последствие: она дала повод недоброжелателям для разговоров и слухов, что Белинский, мол, уйдя от Краевского, снова "попался на удочку" со своей младенческой доверчивостью: что он был "очень искусно устранен" от журнала, который собственно для него и его именем создавался; что он "оказался наемником на жалованьи" (Кавелин) и т. д. В этих разговорах не было ни капли правды, но они на много лет вперед дали пищу врагам Некрасова для упреков в недобросовестности, в "литературном кулачестве", в стремлении к наживе, якобы главной цепи его деятельности. Эти упреки в разной форме всю жизнь преследовали Некрасова.

* * *

Друзья огорчались, замечая, что, обремененный множеством забот по журналу, Некрасов почти перестал писать стихи и рецензии. Белинский опасался, как бы его деятельность не свелась к ведению счетов и держанию корректуры. Некрасов и сам понимал, что писать необходимо, звал, что поэтический отдел "Современника" довольно беден и нуждается именно в его стихах. Тем не менее он сердился, тогда об этом напоминали, а неожиданная похвала его стихотворению, полученная от Тургенева, нагнала на него "страшную тоску". Он отвечал Ивану Сергеевичу в Париж: "... Я с каждым днем одуреваю более, реже и реже вспоминаю о том, что мне следует писать стихи, и таковых уж давно не пишу. Мне это подчас и больно, да делать нечего. Но, за исключением сего, живу изрядно, хотя работы много и поводов злиться еще больше...".

Так он писал 11 декабря 1847 года. В это время стихов действительно было написано мало, случалось, что по многу месяцев в журнале не появлялось ни строчки, но в конце концов они все-таки появлялись; и какие это были стихи! После "Родины", "Перед дождем", "В неведомой глуши", о которых мы уже говорили, в новом "Современнике" были напечатаны и другие шедевры ранней лирики поэта - "Тройка", "Псовая охота", "Нравственный человек", "Бели, мучимый страстью мятежной", "Еду ли ночью по улице темной". По-видимому, в 1848 году написано и стихотворение "Вчерашний день, часу в шестом".

Можно сказать, что эти несколько стихотворений содержали в себе все главные - мотивы поэзии Некрасова, глубоко им выстраданные: беспросветная судьба деревенской девушки ("Тройка"); страница крепостного быта - язвительно осмеянная помещичья охота с ее необузданным разгулом и жестокостью, сатирический портрет чудовищного лицемера и благонамеренного ханжи - "нравственного человека"; чисто некрасовская любовная исповедь с ее резко обнаженным чувством; характерные темы большого города - горе бедняков, трагическая участь женщины; и, наконец, первое обращение поэта к своей музе, первая поэтическая декларация - вот какой круг проблем охватывают эти несколько стихотворений. Программные для Некрасова, они были программными и для журнала, в котором появлялись (только последнее не было опубликовано). И понятно, что эти стихи имели шумный успех в кружке "Современника". Многие находили в некрасовских стихах поэтическое выражение своих мыслей и чувств. Некрасов как поэт был особенно близок Белинскому. В его стихах критик впервые ощутил связь между прошлым и будущим, понял, что его поэзия, вобрав в себя главные элементы пушкинского периода, в то же время открывала новую эпоху русской лирики.

В своих последних обзорах литературы за 1846-й и 1847-й годы, а также в письмах к друзьям Белинский установил, что важнейшей чертой прогрессивной литературы является сознательность творчества, которую отрицали эстеты, защитники "чистого искусства". Натуральная школа воспользовалась тем содержанием, которое открыл для нее Гоголь, и

сумела внести в литературу социальную мысль как сознательную тенденцию. Критик особенно ценил произведения, в которых художественность органично сливается с передовой мыслью.

С таким критерием подходил Белинский и к поэзии Некрасова в "Современнике". Имея в виду именно те его стихи, о которых мы только что говорили, он заметил в одном из писем (7 декабря 1847 года): "... Его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своем замечательном таланте, внес в них и мысль сознательную, и лучшую часть самого себя". Под эту точную характеристику прежде всего подходит стихотворение "Еду ли ночью...", тематически связанное с более ранним "Когда из мрака заблужденья". Этот драматический рассказ о двух столичных бедняках, о ребенке, умершем от голода, о том, как поступила она:

... Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу, -

воздействовал самой безыскусственностью повествования, правдивостью и неожиданностью сюжета, в большой мере основанного на впечатлениях бездомной юности автора, наконец, безысходной мрачностью заключительных строк - о незащитности женщины, о ее роковой судьбе, о бесполезных проклятьях... Несомненно, на слушателей производил впечатление и самый стих, певучий и несколько заунывный, которым написана эта маленькая поэма:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день...

Излюбленный некрасовский размер - трехсложный дактиль - отмечен удивительной долготой ударяемых гласных звуков; в "чисто народной протяжности" этого размера видят своеобразие и особое обаяние лирики Некрасова.

Один из современников рассказывает: когда Некрасов в первый раз прочитал в кружке Белинского только что написанное стихотворение, все были так взволнованы, что со слезами кинулись обнимать смущенного поэта. Совсем иначе были встречены эти стихи во враждебном лагере. Охранители, как всегда, испуганные реальностью нарисованной картины, нашли ее слишком мрачной, даже безнравственной.

Вот для наглядности несколько разных мнений.

Из письма Тургенева: "Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение - и уж" наизусть выучил".

Из высказываний Боткина: "... Такая реальность, как, например, в твоём стихотворении "Еду ли ночью...", претит всякому, у кого развито эстетическое понимание жизни" (в передаче Панаевой).

Из рецензии Б. Алмазова ("Москвитянин"): в стихотворении "выражаются ненормальные, уродливые явления жизни, которых должно избегать в поэзии". Из рапорта цензора Е. Волкова: "Нельзя без содрогания и отвращения читать этой ужасной повести! В ней так много безнравственного... Жаль, что муза г. Некрасова одна из самых мрачных и что он видит все в черном цвете... Как будто уже нет более светлой стороны?"

Многие советовали Некрасову обратиться к "более светлой стороне" - не только враги, но и тогдашние друзья. Например, Боткин говорил ему (по словам Панаевой): "Брось воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину. Это фальшь, которая режет ухо".

Некрасов не слушал этих советов: его муза была мрачной не потому, что он видел все в черном цвете, а потому, что она служила народу: "Я лиру посвятил народу моему". Но жизнь

народа была печальна и безрадостна. В таких условиях нелегко жилось некрасовской музе, беспокойной, страдающей, гонимой, но в то же время сильной, вобравшей в себя самую душу народа. И когда поэт захотел впервые запечатлеть в слове черты своей музы, то есть образно осознать сущность своей поэзии, то ему представилась не богиня с лирой в руках и не парящая фея, - перед ним возник образ подлинно трагический при всей своей высокой жизненной простоте и реальности:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал играя...
И Музе я сказал:
"Гляди! Сестра твоя родная!"

Всего восемь строк. Но вряд ли можно было бы сильнее и лаконичнее передать существо некрасовской поэзии. Конечно, эти строки не были напечатаны при жизни Некрасова. По его словам, он набросал их в 1848 году для себя, не предназначая для печати. Он понимал, что напечатать их невозможно, тем более в конце 40-х годов, когда цензура отличалась особой свирепостью. Но спустя четверть века, обнаружив полустершийся карандашный набросок в старых бумагах, Некрасов с трудом его разобрал, а затем записал для одной дамы, прибавив: "Извините, если эти стихи не совсем идут к вашему изящному альбому".

Так, по иронии судьбы, постоянно немилостивой к поэту, хозяйка альбома сделалась первой и чуть ли не единственной обладательницей одной из жемчужин его лирики. Читатели узнали эти стихи гораздо позднее. Но знаменательно другое: прошло тридцать лет, много утекло воды, и много было всего написано за эти годы. Умиравший Некрасов диктовал свои последние стихи (писать он уже не мог). Самое последнее, что продиктовал он за несколько дней до смерти, было стихотворение, как бы подводившее черту всему и обращенное к музе, - "О Муза! я у двери гроба!". Вот его заключительные строки:

Не русский - взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

Почти с уверенностью можно сказать, что в это время он не вспоминал давних стихов "Вчерашний день...". Но так прочно жило в сознании поэта его представление о своей многострадальной Музе, что тот же образ снова возник перед ним, когда он окидывал всю жизнь последним взглядом.

* * *

Вокруг некрасовского "Современника" собрались лучшие силы тогдашней литературы. И уже в те годы многим было ясно: они собрались в сознательном единении, сближенные общим пониманием задач журнала, призвания литератора, сходством художественных вкусов. Такое единство (при несомненных индивидуальных различиях) могло сложиться только на основе каких-то общих политических стремлений. Так оно и было: деятелей "Современника" объединяла ненависть к крепостному праву и всем его порождениям, отрицание самодержавного режима.

Под руководством Белинского "Современник" сознательно занял антикрепостнические позиции во всех своих разделах (разумеется, в тех границах, какие были возможны) и прежде всего в разделе "Словесность". В повестях Герцена были резко поставлены важнейшие вопросы русской жизни, показаны трагические судьбы людей из народа. Тургенев, давший Аннибалову клятву "бороться до конца" и "никогда не примириться" с крепостным правом, из номера в номер печатал в "Современнике" "Записки охотника". И. Гончаров, Д. Григорович, И.

Панаев, Е. Гребенка и другие прозаики натуральной школы также вносили свой вклад в общее дело журнала.

Редакция, то есть прежде всего сам Некрасов, проявляла заботу о том, чтобы все материалы и все отделы "Современника" были связаны единой мыслью. Когда Боткин, предлагая напечатать "нейтральные" стихи, доказывал Белинскому, что стихи не обязаны выражать "дух журнала", Белинский тут же отвечал, что в таком случае и журнал не обязан печатать стихов. А вот стихи Некрасова полностью выражали "дух журнала" и поддерживали его антикрепостническую направленность, как и статьи Белинского, и многие другие материалы отделов "Смесь" (полемика, фельетоны), публицистики, в этом последнем отделе помещались, в частности, статьи об экономической невыгодности крепостного труда, о необходимости развивать промышленность и торговлю, об угнетении негров в Америке. А в статье Н. Сатина "Ирландия" говорилось следующее: "... Нужно изменить права и законодательство, организацию политическую, административную, судебную и религиозную, нужно изменить условия собственности и промышленности, отношения богатого и бедного... Словом, необходим коренной переворот..." И хотя говорилось это об Ирландии, но внимательный читатель не мог не догадаться, что, по сути дела, эти суждения об отсталости и подавленности народа маленькой страны были вполне справедливы и по отношению к крепостной России.

Уже в первые годы "Современника" складывалась одна из примечательных особенностей русской подцензурной печати: передовые литераторы, публицисты, поэты, ученые вынуждены были искать путей общения с читателем, опираясь на непрямой способ выражения мыслей. Проклиная эту печальную необходимость, требующую огромной затраты сил, они разрабатывали язык намеков и иносказаний, который принято называть эзоповым языком. Это относится и к Некрасову: под давлением цензуры он часто вынужден был говорить не в полный голос и не так, как ему хотелось.

В мае 1847 года Белинский по настоянию докторов и друзей выехал за границу. Все знали, что положение его безнадежно, но врачи надеялись, что перемена обстановки и какие-то целебные воды на немецком курорте Зальцбрунн могут облегчить его состояние. Так и подучилось. Он ненадолго почувствовал себя бодрее и после Зальцбрунна смог попутешествовать по Германии и пожить в Париже. Его постоянным спутником был Анненков, хорошо знавший Европу. В Зальцбрунне Белинский, как известно, получил письмо от Гоголя и тогда же написал ему свой знаменитый ответ. Свободный от цензурных стеснений, он дал волю чувству негодования по поводу реакционной книги "Выбранные места из переписки с друзьями". Когда чуть позже, в Париже, сидя у Герцена, только что покинувшего Россию, он в кругу друзей прочитал вслух этот ответ, Герцен, уловив минуту, сказал Анненкову: "Это - гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его".

Действительно, письмо к Гоголю явилось как бы политическим завещанием Белинского. По существу своему оно было обращено ко всей молодой России; для нее, как и для Белинского, было священно имя Гоголя - художника-гуманиста и сатирика-обличителя, но она негодовала, узнав, что великий писатель взял на себя роль проповедника кнута, защитника крепостничества.

Письмо Белинского разошлось по всей стране во множестве списков, потому что в нем прозвучал набатный призыв к уничтожению крепостного права, и было прямо сказано, что Россия представляет собой ужасное зрелище страны, в которой люди торгуют людьми. Именно в этом автор письма видел один из важнейших современных национальных вопросов. Он утверждал, что русские крестьяне сильно возбуждены, "спят и видят освобождение".

В. И. Ленин указывал, что в письме Белинского к Гоголю выразилось "настроение крепостных крестьян против крепостного права" {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.}. Но мы знаем, что письмо это явилось концентрированным и открытым выражением идей Белинского, тех самых идей, которые проводил под его руководством подцензурный "Современник". Поэтому ленинская характеристика относится ко многим выступлениям журнала, в частности, к стихам Некрасова: в них, как и в пламенной публицистике Белинского, с большой силой выразился протест закабаленного крестьянства против векового помещичьего гнета.